

В САМОМ деле, о чем этот спектакль? Иными словами, что хочет сказать мне, зрителю, творческий коллектив своей интерпретацией, трактовкой того произведения драматургии, которое он счел необходимым включить в свой репертуар. Такой вопрос мы обязательно задаем себе, идя на речь о классической вещи или о знакомой или даже незнакомой нам пьесе современного драматурга. Если пьеса незнакомая, мы не только вынуждены в сценическое ее решение, но и стремимся составить себе мнение о том, стоило ли в принципе браться за ее постановку.

Могут сказать: зачем все эти тонкости зрителю? Он пришел в театр, посмотрел, покинул зал удовлетворенным или неудовлетворенным. Вот и все. Зачем осложнять? На такой довод может быть лишь один ответ: зритель наш вырос, готов судить об увиденном со всей серьезностью.

Конечно, многие читали или даже видели на сцене шекспировского «Гамлета» или чеховских «Трех сестер». Но вот мы ожидаем спектаклей по этим пьесам. Первый — в Русском драматическом театре, а второй — в Финском драматическом театре. Надо полагать, что каждый из коллективов, включив в репертуар столь ответственные произведения, не намерен просто «разыграть пьесы» в духе раз и навсегда укоренившейся традиции, а решил нечто очень важное и современное высказать при помощи этих пьес. Иными словами, речь идет о самостоятельном их прочтении, тем более, что именно «Гамлет» и «Три сестры» в этом отношении никак не обижены советским театром. Можно назвать, по крайней мере, четыре оригинальных постановки тех же «Трех сестер», причем каждая из этих постановок стала событием.

Ясно, что театры, обратившись к Чехову и Шекспиру, вовсе не намерены создавать

копии имевших успех чеховских и шекспировских спектаклей, а тем более копии с копий. Вот почему мы будем с трепетом ожидать дня каждой из этих премьер, от души желая творческим коллективам смелости дерзаний, глубины мысли.

О чем? Ясно, что ответить на этот вопрос более всего определенно мы можем, анализируя, оценивая уже увиденное. Есть здесь радующее, есть и огорчительное.

«Диктатура совести» Михаила Шатрова в постановке Русского драматического театра

дорогах», ставшая кинособытием. Правда, и лента Алексея Германа — в числе лидеров проката. Нашим лидером последних сезонов стал спектакль «Мастер и Маргарита». Дальше язык не поворачивается сказать «по Булгакову», ибо к выдающемуся произведению эта работа Русского драматического театра, на мой взгляд, имеет самое отдаленное отношение, поскольку мы увидели некий водевиль на тему Булгакова. А о чем спектакль? На этот вопрос ответить попросту невозможно. Булгаковская тема справедливости и власти, их соотноше-

ний зять. Компромисс? Бесспорно. И к тому же — ненужный компромисс.

Выше сказано об актерах. Конечно, вместе с режиссером им принадлежит главная роль в прочтении пьесы. На мой взгляд, например, П. Ринне создал свой, если хотите, философски осмысленный образ главного героя в спектакле «Святая святых» по пьесе И. Друэ, а Л. Живых и К. Пилипенко сумели найти весьма убедительную трактовку образов героев пьесы Ф. Дюрренматта «Визит старой дамы», в которой «достоверное» и «недостоверное» требует от исполнителя глубинных актерских качеств, чтобы в конечном счете нести мысль, порой причужденную за комедийными ситуациями.

И все же, развивая тему интерпретации, нельзя не вспомнить следующие строки театроведа Андрея Караулова, сказанные в связи со спектаклем Московского театра им. Ленинского комсомола: «... в «Диктатуре совести» актеры Ленкома играют сцену вечеринки десятиклассников так, будто это не «Диктатура совести», а «Жестокое игрище», то есть в уже сложившейся социальной и эстетической манере. ... Шатрова нельзя играть, как Арбузова. Тем более, как Погодина. Но театры все еще не делают разницы».

А это ведь речь идет о спектакле, ставшем событием. Но сказанное о нем еще в большей степени относится к работе нашего театра. В ней — и под Арбузова, и под Погодина, и даже под Островского Александра Николаевича. Вряд ли есть смысл доказывать, насколько это вредит делу.

Дело же у нас общее. Театрам надо выходить на переломный край перестройки. А это требует высокой взыскательности при формировании репертуара, ясной позиции в его подборе, умения сказать свое действительно нужное людям именно сегодня правдивое слово.

Ис. БАЦЕР.

О Ч Ё М?

уже получила оценку в прессе. Критика поддержала обращение театра к произведению, которое заслуженно пользуется славой одного из пионеров перестройки в искусстве. Конечно, это еще не «Брестский мир» и тем более не «Дальше, дальше, дальше...», но уже эта пьеса могла стать и стала основой очень нужного сценического произведения. Это бесспорно. Но бесспорно также и то, что театр имел возможность определеннее выявить проходящее у автора, в силу ряда обстоятельств, как бы вторым планом. Театр, ставивший пьесу в иное время, мог более убедительно раскрыть ее антикультовый характер, найти способ более плотно соединить происходящее на сцене в единое действие, непримиримо нацеленное против скверны. Такая возможность была. Она сохраняется и сегодня.

Мы часто говорим о том, что главным критерием удачной постановки является посещаемость. Это так и не так, ибо фильм «Танцплощадка», не блещущий достоинствами, собрал я не столько миллионов больше зрителей, чем «Проверка на

ния оказалась начисто выхоленной. А на смену ей пришла эстрадное представление спорного вкуса.

«О чем?» — это всегда материальное выражение точки зрения, позиции. Поставить Булгакова таким образом — это тоже позиция. Только с ней никак нельзя согласиться. Совсем иное дело — «Горе от ума» в Финском драматическом театре. Не все в этом спектакле бесспорно, но зато есть улачная попытка по-своему прочитать великое произведение. Что до бесспорности, то вряд ли ее присутствие является достоинством. На всех не потрафишь... Да и нужно ли это делать?

Прочтение, прочтение... В том же Финском театре в свое время было поставлено «Гнездо глухаря» В. Розова. Это был спектакль высоких актерских взлетов, о которых шла речь в рецензиях. Но вот какое обстоятельство. Спектакль свел дело к оправданию глухаря, который в финале (не по пьесе!) самолично заколачивал двери в ту половинку квартиры, где жил его омерзитель-